

РЕЦЕНЗИЯ

на выпускную квалификационную работу студентки IV курса
Русских Анастасии Вячеславовны на тему
«ФОНЕТИЧЕСКИЕ И ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОТЛИЧИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ
ВАРИАНТОВ СОВРЕМЕННОГО КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА
(НА ПРИМЕРЕ ПУТУНХУА В КНР, ГОЮЯ НА ТАЙВАНЕ
И ХУАЮЯ В СИНГАПУРЕ)»

Направление: 032100 «Востоковедение, африканистика»
(специальность: Китайская филология)

В выпускной квалификационной работе Русских А.В. исследует довольно интересную проблему – описание различий между тремя наддиалектными вариантами современного китайского языка – путунхуа, гоюй, хуаюй. Делает это Автор попарно, сравнивая общенациональный стандартный язык КНР путунхуа то с тайваньским вариантом (гоюй), то с китайским языком Сингапура (хуаюй).

Преследуя поставленную в исследовании цель, сформулированную Русских А.В. как выявление и описание различий между фонетикой и лексикой трех региональных вариантов китайского языка, Автор сначала сравнивает пары языковых систем с точки зрения их фонетики, затем с точки зрения лексических совпадений и различий. Достижение поставленной цели видится Автору в решении совершенно аналогичной задачи (стр. 3), из чего можно сделать вывод, что Автор не видит принципиальной разницы между целями и задачи научного исследования.

Методологической основой работы заявлен сравнительный метод. С сожалением приходится констатировать, что подобные исследования в сопоставительном ключе приемлемы для студентов младших курсов, не владеющих в достаточной степени изучаемым языком, что необходимо для проведения полевых и/или экспериментальных исследований. На старших курсах для студентов филологических специальностей предполагается умение вести работу с информантами, а также анализировать языковой материал из корпусов текстов, позволяющие путем сопоставления верифицировать выдвигаемые теоретические положения и полученные в ходе исследования эмпирические результаты, причем как свои собственные, так и уже имеющиеся в научной литературе.

О теоретической и практической значимости своей работы Автор впервые упоминает лишь в заключении, не останавливаясь на этих довольно важных аспектах, как это принято, во введении к выпускной

квалификационной работе.

Работа общим объемом 88 страниц состоит из 5 глав, введения, заключения и двух приложений и снабжена списком литературы в 40 наименований на русском, английском и китайском языках.

Еще на подступах к содержательной части работы у читателя складывается впечатление о наличии действительно серьезных расхождений между тремя вариантами китайского языка на системном уровне, поскольку в содержании работы лексические различия между путунхуа и гоюй названы “соответствующие/несоответствующие слова”, тогда как различия между путунхуа и хуаюй описываются через наличие синонимов, омонимов и самобытных слов, что естественно наводит читателя на мысль о несопоставимости данных языковых систем в принципе, поскольку лингвистическая типология должна опираться прежде всего на единый и унифицированный терминологический аппарат.

Глава 1 содержит исторический обзор процесса формирования трех территориальных вариантов современного китайского языка – путунхуа в КНР, гоюй на Тайване и хуаюй в Сингапуре.

Эта часть носит ознакомительный характер и вопросов особо не вызывает, но хотелось бы уточнить у Автора, где именно «витают идея вновь объединить эти наддиалектные формы в одну, как это было в начале XX века, подвести их под один общий знаменатель»?!. Поскольку при таком подходе, пожалуй, сначала бы следовало решить проблему объединения путунхуа и кантонского диалекта (что в масштабе одной страны было бы намного реальнее), чем объединение языков трех разных государств. Тем более, что на стр.8 сказано, что «(п)осле 1949 развитие «республиканского гоюя» стало двигаться по двум траекториям, которые, разделенные Тайваньским проливом, до сих пор практически не пересекаются» (тут обнаруживается очевидная опечатка, видимо, речь все-таки идет об отсутствии пересечений траекторий развития). Если траектории не пересекаются, то о чем ведется речь на оставшихся 80 страницах работы?!

О том, что под «материком» подразумевается КНР, знают специалисты, для человека, не владеющего китайским языком или владеющего в недостаточной степени, эта информация может оказаться недоступной. Подобные случаи необходимо пояснять. В этом контексте фразу «У путунхуа была задача стать лингва-франка для всего материка» неподготовленный читатель поймет как возможность распространения китайского языка на всю Евразию.

Возникновение социолингвистики, трактуемое Русских А.В. как

произошедшее совсем недавно, относится к 20-ым гг. XX в., очевидно, что 100 лет для Автора не срок.

В Главах 2 и 3 предлагается разбор фонетических расхождений в трех языковых системах.

К сожалению, нельзя сказать, что в ходе исследования Автору удалось, как это утверждается в работе, выявить различия в фонетике двух наддиалектных вариантов современного государственного китайского языка – путунхуа и гоюй. Выпускная квалификационная работа содержит лишь **описание** различий между ними и опирается на данные, полученные другими лингвистами, которые студенту 4 курса следовало бы проверить в ходе полевых исследований, работы с информантами-носителями языка или любым иным доступным способом.

Сразу оговорюсь, что в силу отсутствия научного интереса к фонетическим изысканиям артикуляционные характеристики звуков, обнаруживающих несовпадение между тремя вариантами китайского языка, анализировались нами поверхностно и в весьма ограниченном объеме, но тем не менее даже неспециалисту на первых страницах бросается в глаза утверждение Русских А.В., что «(д)альнейший фонетический анализ позволяет выделить в финали дополнительные единицы – медиаль и субфиналь. Субфиналь делится на централь и терминаль» (стр. 14). Не очень понятно, почему речь идет о “дополнительных единицах” и что именно они дополняют. Очевидно, что описывается структура слога в китайском языке и членение на составные части в соответствии с положением фонем в слоге, которое проводится поэтапно “вглубь” до минимальных элементов. К чему тогда упоминание об их “дополнительности”?

На стр. 26 Русских А.В. ссылается на исследования других ученых и работу с носителями языка, при этом выборка в 20 (!) информантов несколько не смущает Автора, и на основании столь “репрезентативной” выборки делаются довольно далекоидущие выводы.

Трудно согласиться с утверждением на стр.27, что следующие слова “в путунхуа употребляются только с эризацией, тогда как в гоюе она в этих словах совершенно не используется: 一半 yībàn ‘половина’, 伙伴 huǒbàn ‘партнер’, 聊天 liáotiān ‘болтать’, 好哥们 hǎogēmen ‘друг’, 出去玩 chūqùwán ‘пойти развлечься’, 大一点 dàyīdiǎn ‘чуть побольше’”. Во-первых, эризованный вариант действительно встречается довольно часто, но не в путунхуа, а в диалектах (например, в пекинском), во-вторых, в 出去玩 chūqùwán ‘пойти развлечься’ даже на основании русского перевода отчетливо ощущаются, как минимум, два слова, но никак не одно.

На стр. 32 в определении говорится о “нейтрализации тона (шэндяо)” без какой-либо иероглифической отсылки. К чему давать русскую транскрипцию отдельных слов без иероглифики?

В своем дипломном проекте Русских А.В. пользуется терминами “легкий тон”, “нулевой тон” и “нейтральный тон”, однако указание на то, как соотносятся между собой эти понятия, в работе отсутствует.

Неубедительной кажется аргументация Автора о том, что “(о)дна из многих причин того, что в современном гоюе нейтральный тон встречается намного реже, чем в путунхуа, вероятно, заключается в том, что на Тайване гоюй преподавался в школе, а занятие в аудитории предполагает нарочито медленное и отчетливое произнесение всех слогов.” Следуя этой логике, все жители России должны были бы говорить отдельными слогами, поскольку в школе нас обучали чтению по слогам.

Примечание 13 следовало дать при первом использовании в тексте системы цифрового обозначения мелодической характеристики тонов Чжао Юаньжэня; читатель может быть с ней незнаком, и цифры 55, 51 при слогах могут вызвать недоумение.

В качестве иллюстрации положения об обязательности нейтрального тона на стр.32 приводятся глагольная словоформа 了解了解 liǎojiěliǎojiě ‘понять’ и локативы 后面 hòumiàn ‘позади’, 楼下 lóuxià ‘внизу’, однако транскрипция дается с указанием этимологического тона, поэтому понять, где именно в примерах присутствует нейтральный тон, оказывается невозможным.

В Таблице 7, призванной дать читателю представление о частотных характеристиках тонов в путунхуа и гоюй “при реальном изолированном произнесении”, третий тон в путунхуа описывается как 212, однако буквально в следующем абзаце Автор описывает этот тон как “нисходяще-восходящий с мелодикой [214]”. И далее по тексту “в путунхуа, и в гоюе при изолированном произнесении обнаруживается тенденция к сокращению восходящей части. В путунхуа регистр третьего тона при реальном произнесении будет [212], а гоюе восходящая часть, совершенно отсутствует – [21] или [211]”. Очевидно, данное положение должно подвести нас к разграничению реального и нереального произнесения, которые к тому же определенным образом соотносятся с изолированным произнесением и описываемым далее произнесением в потоке речи. Хочется уточнить, как были получены данные о мелодике [214], как выглядел эксперимент по реализации “нереального произнесения”?

Временами Автор проявляет некоторую предвзятость в своей оценке происходящих в языках процессов, так, на стр. 39 мы читаем: “В гоюе

«правильное произношение» - чжэнъинь – соответствует произносительной норме периода «раннего гоюя»...То есть, если принимать во внимание этот факт, то современный гоюй не является дефектным вариантом путунхуа, а скорее современный путунхуа – «дефектный» вариант раннего гоюя.”

Фонетические различия между путунхуа и хуаюй оказываются минимальными и укладываются ровно в четыре страницы, составляющие главу 3.

Странно читать, что чжуинь – это «система письменности» Тайваня. Чжуинь фухао (注音符號) был разработан как национальная фонетическая система для изучения китайского языка, т.е. имел вполне прагматические цели обозначения звуков для обучения чтению и письму в начальной школе на Тайване (именно по этой причине ее, как пишет Автор “стараяются сохранить”), являясь основной транскрипцией в стране, но вряд ли чжуинь может трактоваться как письменность в буквальном смысле.

Затем в главе 4 предлагается авторская классификация лексических единиц путунхуа и гоюй, заключающаяся в выделении “соответствующих и несоответствующих друг другу слов”. Согласно этому подходу, соответствующим словам, совпадающим в обеих системах как по внешней форме, так и по смыслу, противопоставлены “полностью (или частично) идентичные по смыслу слова, но различные по форме”, а также “идентичные по внешней форме слова, но с разной семантикой”. Далее на 20 страницах в табличной форме Русских А.В. приводит языковые примеры, взятые из китайской научной литературы. С методологической точки зрения в исследовании необходимо собственноручно проверять данные аналогичных исследований на информантах-носителях языка или по корпусам текстов, однако в рецензируемой работе этого сделано не было.

Следует отметить, что искушенному читателю приведенных списком несовпадающих слов может оказаться явно недостаточно. Так, в подтверждение тезиса о несовпадении внешней формы при совпадении семантики двух единиц следовало привести примеры их употребления в контексте. Поскольку для слов с обратным порядком компонентов, за исключением тех, что построены по копулятивной модели, словообразовательные модели будут различны, например, в лексемах 红火 *hóng huǒ* и 火红 *huǒ hóng*, трактуемых Автором как ‘огненно-красный’, словообразовательные модели различны, это может определенным образом отразиться и на частеречной принадлежности данных единиц, словарь тоже дает для 红火 *hóng huǒ* перевод ‘праздничный, процветающий’, в корне

отличающийся от предлагаемого Автором значения. Соответственно, для настоящего комплексного анализа следовало проверить морфологические признаки и комбинаторику данных единиц.

Кроме того, выборочная проверка приводимых автором примеров обнаружила несоответствие русского перевода; так, 加 值 jiāzhí в тайваньском варианте китайского имеет значение 'пополнить счет', а не 'подорожание', как заявляет Автор, 献 血 xiànxuè и 捐 血 juānxiè называют процесс 'сдавать кровь', в крайнем случае конверсируясь в существительное 'донорство', но уж никак не могут иметь значение соответствующего деятеля (донора), да и сфера функционирования обоих вариантов не ограничивается только лишь Китаем или Тайванем, оба варианта допустимы и употребительны по обе стороны Тайваньского пролива. То же самое относится к 集 装 箱 jízuāngxiāng и 货 柜 huòguì 'контейнер'.

'Слой населения, живущий только на зарплату' по-китайски звучит 工薪阶层 gōngxīn jiē céng, слова 阶 晨 jiē chén в китайском языке нет.

В своей выпускной квалификационной работе Русских А.В. пользуется авторским термином «транслитирование» вместо более привычных и общепринятых «транслитерация» и «транслитерирование», связано это, видимо, с тем, что речь идет не о традиционном понимании точной передачи знаков одной письменности знаками другой письменности, а о «переводе имен собственных с помощью фонетического способа заимствования» (стр.55). Хочется уточнить у Автора, существует ли разница между переводом и заимствованием в языке?

Что касается примеров, то Автору, видимо, неизвестно, что топоним 格 鲁 吉 亚 gélǔjíyà 'Грузия' был заимствован из русского языка, а его тайваньский коррелят 喬 治 亞 qiáozhìyà есть результат заимствования 'Georgia' из английского.

Несмотря на наши замечания, высказанные еще год назад, Русских А.В. по-прежнему продолжает утверждать, что «некоторые слова из *гоюя* перешли и в *путунхуа*, и теперь употребляются наряду с ранее принятыми», и приводит в качестве примеров пары 土 豆 tǔdòu - 马 铃 薯 mǎlíngshǔ 'картофель', 西 红 柿 xīhóngshì - 番 茄 fānqié 'помидор', хотя очевидно, что второе слово из каждой пары пришло в *путунхуа* не из *гоюя*, а попало в обе

языковые системы из кантонского диалекта и по-прежнему воспринимается на севере Китая как диалектное.

Совершенно непонятно, почему на стр. 32 для суффиксов китайского языка Автор использует термины “послеслоги 头 *tou*、子 *zi* или указатели на количество 们 *men*”, к послелогам чуть ниже неожиданно отнесены и глагольные модификаторы 来、去、起来、下去.

Уже второй год подряд Русских А.В. продолжает утверждать, что «английское слово 'garbage' в *гоюе* будет звучать как 废料 *fèiliào*, 'отход , утиль' , а в *путунхуа* используется слово 无用信息 *wúyòng xìnxī* , то есть оно сразу передает нужный смысл - 'ненужная информация '». Повторимся еще раз: для 'garbage' очевидный перевод будет 垃圾 *lājī*, допустим и существующий в обеих системах переводной эквивалент 废物 (廢物) *fèiwù*

В лингвистической науке принято подтверждать выдвигаемые в исследовании теоретические положения языковыми примерами, так, вовсе не снабжены примерами утверждения из раздела 4.1.2. «面向 *miànxiàng* 'повернуться лицом к' - это глагол в *путунхуа*, тогда как в *гоюе* данное слово является существительным. Или 驾驶 *jiàoshǐ* 'управлять', вести» - тоже в *путунхуа* является глаголом , а в значении 'пилот, водитель' употребляется слово 驾驶员 *jiàoshǐyuán*. В свою очередь на Тайване 'пилот' будет 驾驶 *jiàoshǐ*» на стр.59.

В Главе 5 Русских А.В. для описания лексических различий между *путунхуа* и *хуаюй* использует совершенно иной терминологический аппарат, отказываясь от понятий “соответствующие/несоответствующие слова” и вводя в работу трехчастную типологию: синонимы, омонимы и самобытные слова и выражения. Причины такого решения Автор в тексте работы не разъясняет.

Складывается впечатление, что практическая часть работы писалась в спешке, что привело к целому ряду огрех, оплошностей и технических недочетов в тексте. Главы, посвященные сопоставлению *путунхуа* и *хуаюй*, оказываются гораздо менее интересны как по форме, так и по содержанию, в них отсутствует описание различий с точки зрения частотных характеристик и длительности тонов в двух системах. В содержании работы отсутствует

нумерация разделов, что затрудняет поиск по тексту. Непонятно назначение раздела 2.5.2 в работе, состоящего из одного абзаца текста.

Представляется, что слова гоюй следует записывать полными формами иероглифов, как это принято на Тайване и как это было сделано для слов хуаюй в главе 5.

Отсутствует транскрипция у иероглифических названий диалектов на стр. 5 работы.

Фамилии иностранных лингвистов приводятся без русской транскрипции (стр. 20).

В русской традиции принято слог wen записывать как вЭнь, а не вЕнь (стр.56).

Что это за диалект *мин*, оказывающий серьезное влияние на гоюй (стр.64)?

Как выглядит музыкальный инструмент добмра (стр.66)?

На стр. 57 в утверждении «Тайваню в техническом плане помогали развиваться Англия, Америка», речь наверно все-таки должна идти о Великобритании и США.

Лексема 消息 *xīāoxi* ‘новость’, по мнению Русских А.В., является “устоявшимся выражением”, а не словом.

Выражение 不沾锅 *bùzhānguō* Автор почему-то переводит как ‘плохой котел’, хотя буквальный перевод как раз говорит об обратном эффекте - «антипригарная сковорода».

Слово 衛生所 *wèi shēng suǒ* в КНР и на Тайване имеет значение ‘медпункт, поликлиника’, а не ‘оздоровительный центр’.

Складывается впечатление, что Автор не в полной мере владеет грамматическими нормами русского языка, в частности правилами согласования, управления слов в предложении и пунктуации. Довольно много в рецензируемой работе опечаток, стилистических шероховатостей и неточностей, назовем лишь некоторые из них:

Стр.11 «Начались компании за возрождение местных диалектов»

Стр. 42 “В чем же причина несовпадений вариантов произношения тонов и произношения?”

Стр.48 “...говорили на гоюе, который тоже имеет различия с путунхуа в разных планах, и так хуаюй не мог не попасть под влияние гоюя и его

своих характерных особенностей” .

Стр.48 “Так началось активное взаимодействие между материком и Сингапуром , что привело к воздействию путунхуа на хуаюй.”

Стр.57 “научно-техническое явление”

Стр.58 “немного отличающимся по смыслу словам или явлениям дали одинаковые названия”

Автор явно не владеет правилами правописания предлога «вследствие» (три различных варианта по тексту), злоупотребляет диалектными предложными формами, например «(и)сследователи с материкового Китая» и др.

При обозначении дат Русских А.В. не использует слово «год», ограничиваясь лишь его числовым отображением.

Неправильно оформлены библиографические ссылки по тексту.

В целом Русских А.В. в своем дипломном проекте сумела описать ряд фонетических и лексических различий между территориальными вариантами китайского языка, что свидетельствует о достижении в ходе исследования поставленной цели. Выпускная квалификационная работа Русских А.В. представляет собой законченное исследование на современную и актуальную тему, соответствует требованиям, предъявляемым к подобного рода работам, заслуживает положительной оценки.

Колпачкова Е.Н.

04.06.2016